

Журналистские расследования: раньше мешал криминал, теперь игнорируют прокуроры

Ирина Ворошилова

Само словосочетание «независимые российские СМИ» у меня давно вызывает улыбку.

А после стажировки восемь лет назад в американской газете The Patriot-News, специализирующейся на журналистских расследованиях, я поняла: в США, даже несмотря на жуткую конкуренцию и противоположные политические взгляды, издания могут объединяться, отстаивая общепрофессиональные интересы и, не дай бог, покушение на журналиста-расследователя.

А у нас — каждый сам за себя

Когда в Москве или каком-то другом регионе случилось очередное покушение на неудобного журналиста, чем всё заканчивалось? СМИ выпускали пар: «Общественность негодует! Президент даёт поручения, берёт на контроль...»

И вскоре всё стихает до очередной попытки заглушить слово правды. А эта самая общественность в очередной раз проходит мимо, когда корреспондента «Коммерсанта» Олега Кашина избивают возле его же дома. Избивают долго и жестоко. Никто на помощь не идёт.

Арест журналиста «Медузы» Ивана Голунова, и особенно те события, которые за этим последовали (увольнение двух генералов в погонах), вызвали у меня двойное чувство. Конечно, мне жаль Ваню —

Ирина Ворошилова — специальный корреспондент «Амурской правды», Амурская область

за всё, через что ему пришлось в эти дни пройти. Но одновременно я даже обрадовалась: «Неужели что-то реально "щёлкнуло" в нашем общественном сознании?!» Наконец-то медиасообщество проявило беспрецедентную солидарность и выступило против давления, с которым приходится сталкиваться СМИ в попытках сохранить независимость и обнародовать информацию о коррупции в рядах высокопоставленных чиновников, о чём Голунов открыто писал в своих расследованиях.

Но... Уже буквально через три дня все «слились»: новость страны номер один — сбежал кот Бари Алибасова, который с отравлением какой-то «химией» лежит в больнице. Тему Голунова продолжает, по сути, одна «Медуза».

Моё мнение: сегодня в отечественных СМИ почти не осталось независимости, а такой ключевой жанр, как расследование, умирает.

Я общаюсь с коллегами из разных регионов России, и многие говорят одно и то же: последние годы особенно сильно ощущается массированная атака на журналистское профессиональное сознание со стороны всех властей.

Нас упорно хотят убедить в том, что главная задача современной журналистики — это быть бесстрастными информаторами и трансляторами чужих мнений. Не нужно глубоко копать, искать, анализировать и высказывать свое мнение. Нужно лишь найти «нужного эксперта», который за вас всё скажет.

К чему мы пришли? Подача информации в самых разных СМИ стала шаблонной. Что не удивляет. Потому что власть, используя журналистику как инструмент, всегда хочет одного и того же — чтобы про неё писали только хорошее. Всё реже встречаешь «вкусные» тексты — нет глубины подачи материалов, языковая бедность. Всё реже журналисты хотят браться за сложные темы. А расследованием всё чаще называют банальный слив какого-нибудь компромата с жёлтой окраской, за который журналисту или изданию иногда ещё и приплачивают. Те, кому это выгодно. Самой предлагали провести такие заказные «расследования» не раз.

Отказывалась, потому что не хочу перечеркнуть всё хорошее и настоящее, чего мне в жанре расследования всё же удалось добиться. Например, выбить

жильё для семьи полковника Сафронова — ветерана афганской войны, однокомнатную квартиру для ветерана Татьяны Друзь, которая фронтовыми дорогами дошла до Берлина и варила борщ победителям, но, по мнению благовещенских чиновников, не заслужила отдельные 35 «квадратов».

Удалось отвоевать у чёрных риелторов жилплощадь для Кати Сусловой с ребёнком, а её отца выволочь из трудового рабства. Удалось засадить надолго по двум уголовным статьям педофила, в том числе за ранее им совершённое и на тот момент не доказанное убийство женщины.

За 25 лет в журналистике я написала много расследований. И скажу честно: два не смогла довести до конца. Когда писала в конце 1990-х по злоупотреблениям чиновников Тынды, случайно вышла на ещё более опасную тему: один из чиновников мэрии «крышевал» героиновый бизнес в городе. Тындинского спортсмена, который вывел меня на эту тему, вскоре застрелили из ружья. И моя вторая часть расследования «Медвежий угол» в свет так и не вышла. Рада, что тогда осталась живой.

Ещё одна неудача — расследование избияния предпринимателя сотрудниками милиции на Центральном рынке Благовещенска. Предприятия разваливались одно за другим, зарплату не платили. Многие от безысходности шли на рынок торговать китайским ширпотребом. Заработать на продаже шуб из норковых хвостиков, которые взял под реализацию, пытался и потерявший работу инженер. Пошёл в обед за горячими пирожками, как вдруг подскочили сотрудники в погонах и стали требовать незаконно приобретённые доллары. Мужчину перепутали с валютчиком.

Но это выяснится позже. А на тот момент его повели в служебное помещение и учинили допрос с пристрастием. Заставили раздеться догола, избивали мешками с песком — чтобы синяков на теле не осталось. Всё это происходило на глазах двух девушек, которые были задержаны за проституцию.

Мужчина попал в больницу, а когда выписался, попытался призвать обидчиков к ответу. Но не тут-то было. В приватной беседе судмедэксперт признался мне, что он действительно фиксировал поврежде-

ния почек и других внутренних органов после побоев, но откровенно сказал, что официальные результаты СМЭ будут весьма безобидными.

Делу упорно не давали ход. И мне удалось выяснить почему. Сотрудник, который избивал невиновного человека, был женихом дочери высокопоставленного лица в Амурском УМВД. Огласка могла помешать как его карьере, так и карьере будущего зятя. Мне с огромным трудом удалось найти адреса свидетельниц избиения, но встреча не состоялась.

Руководитель пресс-службы силового ведомства предложил подвезти и откровенно сказал: «Не лезь ты в эту тему. Однажды не перейдёшь перекресток, а машину никто не найдёт».

Я тогда испугалась за будущее своих маленьких детей и отступила.

При этом в те же самые 1990-е удалось расследовать темы о коррупции в бензиновом бизнесе, экономических злоупотреблениях в мэрии Благовещенска и другие.

Однажды я год не вылезала из судов. Подряд 6 исков к нашей редакции и ко мне, как автору расследований, от чиновников разных ведомств, силовых структур по защите их «чести и достоинства», возмещении морального вреда. И все процессы мы тогда выиграла. Потому что факты были доказательные и признаны судом убедительными. Я вот думаю: выиграла бы я аналогичные процессы против госчиновников сегодня? Не факт.

Ещё лет пять назад получить комментарий в УМВД, прокуратуре, следственном комитете, мэрии и любом региональном министерстве не составляло такого труда, как сегодня. Сейчас даже журналисту с именем и большим опытом работы не просто получить информацию, причём по любой теме. Погрязли в запросах. Я много лет занимаюсь общественной деятельностью: была членом комиссии по

помилчанию, являюсь членом общественного совета УМВД, членом экспертного совета силовой структуры по ДФО и тем не менее заниматься исследованием невероятно сложно. А порой получить ответ на интересующий вопрос просто невозможно. О чём можно говорить, если прокурор Амурской области запрещает своим подчинённым без его ведома давать любые комментарии.

Вот конкретная ситуация: журналист областной газеты готовит проблемную публикацию, но прокурор региона «очень занят», а прокурору областного центра не позволено давать ответы на вопросы журналиста. А время идёт, приставы выселяют из квартиры пенсионерку, которая продала жильё в районе и купила на эти деньги «юридически чистую» квартиру в Благовещенске. Что делать законопослушной женщине, которую под старость лет выгоняют на улицу? Можно ли ей как-то помочь? С этим вопросом мы обратились в пресс-службу региональной прокуратуры ещё в апреле. Уже середина июня, ответ ждём до сих пор.

Запросы по неудобным темам в надзорном органе игнорируют. Либо дают неконкретные ответы, как говорится, ни о чём. Создаётся впечатление, что чиновники и прокуроры воспринимают свои кабинеты как личные пространства — им не нравится, что журналисты «шастают по кабинетам» и просят комментарий. Закрытость всех без исключения государственных структур, на мой взгляд, одна из больших проблем современной журналистики. При том, что параллельно на СМИ катит вал удобной для чиновников информации, где они представлены в нужном свете.

Раньше я видела, что время и силы потрачены мною на расследование не зря. Я видела реакцию на резонансный материал руководства областного центра, региона, прокуратуры города и области, делались какие-то выводы, принимались решения. Сегодня это редкость. Трудно сохранить стимул к тому, чтобы не просто работать, а гореть в журналистике, стремясь сделать материал полным, глубоким, ярким, лучшим.

✂